

С детства Кан Янь учился плохо, но был прилежным и усердным. Техникум, на который Кан Лин смотрела свысока, Кан Янь смог закончить лишь ценой невероятных усилий. Он некоторое время смотрел на уведомление о зачислении — обещание, данное бабушке, было выполнено. Однако в его глазах мелькнула растерянность: он не знал, что делать дальше.

На следующее утро Кан Айцзюнь взял восемь тысяч и при жене Ван Цуйпин отдал их Кан Яню. Было очевидно, что супруги успели обсудить это ночью. Теперь Кан Айцзюнь на мгновение замолчал, но после взгляда, брошенного на него Ван Цуйпин, наконец заговорил:

— Тебе восемнадцать. Я, можно сказать, выполнил задачу, которую оставила твоя бабушка. Теперь мы никому ничего не должны. Ты теперь будешь учиться далеко, дорога туда-обратно дорогая, так что без особой надобности не возвращайся.

— Да, и дома места мало, уже не разместиться. Я собираюсь твою комнату переделать в кладовку. Лин Лин тоже уже большая, хоть вы и двоюродные брат с сестрой, но жить под одной крышей неудобно, — произнесла Ван Цуйпин несколько формальных фраз. — Если собираешься учиться, отправляйся поскорее.

Кан Янь, сжимая в руке деньги, понимал, что это означало, и кивнул:

— Я уеду сегодня после обеда.

Услышав это, на лице Ван Цуйпин впервые за долгое время появилась улыбка.

— Тогда собирайся пораньше. Слишком поздно будет — в дороге небезопасно.

В маленькой комнате личных вещей у Кан Яня было немного: в основном старая одежда. К счастью, он почти не вырос за эти три года, редко покупал новую одежду, поэтому старую ещё можно было носить, не тратя денег. Собрав одежду, Кан Янь достал из шкафа жестяную коробку из-под печенья. Коробка уже облупилась, краска слезла. Кан Янь бережно провёл по ней рукой, осторожно открыл. Внутри лежали старые фотографии дедушки и бабушки, а также несколько его собственных — все в полиэтиленовом пакете.

В детстве жизнь была бедной, но дедушка с бабушкой ни в чём ему не отказывали. На день рождения ему варили куриную ножку и яйцо, водили в посёлок фотографироваться.

На самом дне лежала старая чёрно-белая, пожелтевшая фотография.

Молодые мужчина и женщина, лет двадцати с небольшим. У женщины овальное лицо, дугообразные брови, сияющие персиковые глаза. Даже на чёрно-белой фотографии было видно, насколько женщина была потрясающе красива. На руках она держала годовалого ребёнка, черты лица которого больше походили на материнские.

Это был семейный портрет семьи Кан Яня — единственная реликвия, оставленная ему родителями.

Кан Янь осторожно коснулся фотографии, затем снова аккуратно убрал её, засунул коробку из-под печенья в самый центр своей большой сумки и тщательно обернул её одеждой. Сейчас август, в южных посёлках душно и влажно. Только закончив сборы, Кан Янь уже был весь мокрый от пота, его лицо стало белым с розоватым оттенком, кожа казалась нежной и гладкой, а внешность — ещё более яркой и красивой.

Войдя, Кан Айцзюнь увидел Кан Яня именно в таком виде и на мгновение замер,

ошеломлённый его внешностью, тихо пробормотав:

— Ты так похож на свою мать...

— Дядя, — позвал Кан Янь, вытирая пот.

Только тогда Кан Айцзюнь очнулся, по-воровски прикрыл дверь, достал из кармана три тысячи юаней и протянул Кан Яню.

— Не рассказывай тёте. Бери. Как ты будешь жить после того, как заплатишь те восемь тысяч за обучение?

Кан Янь сжал губы, в душе потеплело. Он взял деньги и поблагодарил.

— На заводе дела идут плохо. В следующем году Лин Лин тоже поедет в университет в Пекин. Сейчас наша семья не сможем помогать тебе с оплатой обучения и проживанием... Постарайся сам...

«Наша семья».

Кан Янь молчал. С самого начала это место не было его домом.

Выйдя из дома дяди с большой сумкой за спиной, его худенькая, хрупкая фигура была почти скрыта за старой объёмной сумкой. Казалось, юноша, которому всего лишь семнадцать с половиной лет, уже сгибался под тяжестью непредсказуемого будущего.

Найдя банк, он оформил банковскую карту и положил на неё все деньги, оставив себе только пятьсот юаней наличными. Телефон в его руках был всё ещё старой модели Нокиа, который дядя отдал ему, когда купил новый.

Посёлок находился на юге, в городе L. Поезд до Пекина в сидячем вагоне стоил двести шестьдесят юаней, а дорога занимала восемнадцать часов.

Впервые покинув родные земли, Кан Янь увидел вокруг лишь толпы людей. Он сжался в середине толпы, чувствуя растерянность, но постепенно его взгляд становился всё более твёрдым. В этом мире у него не осталось родных, которые бы заботились о нём и любили его. Теперь он мог рассчитывать только на себя.

На вокзале царил суматоха, люди съезжались со всех уголков страны. Кан Янь был невысоким, всего метр шестьдесят восемь, худеньким и тщедушным из-за недоедания. Одежда, которую он носил, была старого фасона: штаны явно были коротковаты, видно, что выросли, а денег на новые не было, на ногах — чёрные матерчатые туфли, какие носят старики, но выстиранные дочиста.

Люди невольно обращали на него взгляд, и, увидев его лицо, в их глазах мелькало удивление: парень был невероятно красив! Если бы он родился девочкой, было бы просто нечто. Какая жалость.

Некоторые пытались заговорить с ним под разными предлогами, поболтать, установить контакт.

Кан Янь немного испугался. По телевизору он видел новости и знал, что на вокзалах небезопасно. Поэтому он просто молчал, опустив голову, и шёл вперёд. Наконец,

протиснувшись в поезд и устроив багаж, он с облегчением опустился на своё место. Через несколько минут поезд медленно тронулся.

Восемнадцать часов в пути, ночь и полдня. К счастью, в начале августа пассажиров было не так много, некоторые выходили по пути. Конечная точка была достигнута в одиннадцать утра. Кан Янь укачало в поезде, его лицо побледнело, в груди было душно, желудок пустовал, но аппетита не было. Выбравшись из поезда, он зашёл в туалет, прополоскал рот, и стало немного легче.

До начала учёбы оставалось больше половины месяца, в общежитии в это время жить было нельзя.

В руке Кан Янь сжимал бумажку с адресом регистрации Пекинского института технологий и информации. Он искал в интернете: адрес этого учебного заведения был близок к району Чаоян. Приняв решение приехать пораньше, Кан Янь также хотел как можно скорее начать зарабатывать деньги. Если бы не три тысячи, которые в последний момент дал дядя, Кан Яню пришлось бы самому изыскивать средства на жизнь.

Пересаживаясь с одной ветки метро на другую, он добрался до района, где находился институт.

Летняя пекинская погода отличалась от южной: было сухо и очень жарко. Под палящим солнцем уже через некоторое время щёки Кан Яня порозовели, лоб покрылся потом. Желудок был пуст, от голода кружилась. Кан Янь сглотнул слюну, стиснул зубы и, неся сумку за спиной, стал искать по пути закусочные или ресторанчики, заходил в них и вежливо спрашивал, не нужны ли временные работники?

Некоторые нанимали, но только на постоянной основе, летних работников им не требовалось. К тому же Кан Янь был честен и прямо говорил, что может работать только полмесяца. Услышав это, наниматели сразу начинали махать руками, категорически отказываясь. Кан Янь раз за разом наткнулся на отказы. От волнения у него разболелся желудок, лицо побледнело. Наконец он дошёл до одной лапшичной и, не видя другого выхода, зашёл внутрь под палящим солнцем, чтобы спросить.

За кассой сидела энергичная женщина средних лет. Увидев бледное лицо Кан Яня, она тут же распорядилась, чтобы официант принёс ему чашку воды.

Кан Янь испуганно замахал руками:

— Не нужно, я пришёл искать работу. Но я могу работать только полмесяца. Я... мне не нужны деньги, только бы кормили и дали жильё.

После череды отказов Кан Янь понимал, что с такими условиями ему трудно найти работу, поэтому он готов был обойтись без денег, лишь бы прожить эти полмесяца.

— Садись сначала туда, подожди, — женщина не дала определённого ответа, указав на стул у столика в углу.

Услышав, что его не отправили сразу, глаза Кан Яня заблестели. Он послушно сел в угол. Вскоре официант принёс ему чашку бульона из говяжьих костей. Кан Янь тихонько отказался, но не успел договорить, как официант с улыбкой сказал:

— Хозяйка сказала, бесплатно, выпей сначала.

Сказав это, он снова убежал по делам.

Северяне любят мучное, и дела в этой лапшичной шли особенно хорошо. В самый разгар обеденного времени официанты в зале сновали без остановки. Кан Янь боялся побеспокоить их и причинить неудобства, сидел скромно. В зале работал кондиционер, но его спина всё равно промокла — от тяжести сумки, от жары, от страха быть отвергнутым. Но сейчас, перед чашкой бульона из говяжьих костей, на поверхности которого плавала кинза, зелёный лук и несколько ломтиков белой редьки, аромат затуманил его глаза. Почему-то Кан Яню захотелось заплакать. Он опустил голову и поспешно отхлебнул бульона. Никто не видел, как одна слеза упала в чашку.

Вскоре перед ним поставили ещё и чашу лапши с говядиной, тонко нарезанной, как волос. Снова та же официантка, улыбаясь, сказала:

— Кушай не спеша, в зале ещё много работы.

Только к половине третьего в зале стало потише. Официанты проворно принялись протирать столы и подметать пол. Хозяйка из-за кассы встала, потянулась и, увидев, что чаша перед Кан Янем пуста, сказала:

— С твоими условиями работать всего полмесяца — не очень-то удобно брать. Ладно, буду кормить и жильё предоставлю, и ещё тридцать юаней в день платить. Сойдёт?

Кан Янь на мгновение замер, затем поспешно ответил:

— Да, конечно.

Он уже думал, что ему откажут. Достав из кармана деньги, мелочь и купюры, он двумя руками протянул их хозяйке, поклонившись:

— Спасибо вам. Это за лапшу.

Хозяйка сначала не хотела брать, но, увидев серьёзный и ясный взгляд Кан Яня, невольно усмехнулась и приняла:

— Ладно, паренёк, ты оказывается такой принципиальный. Сколько лет? Откуда? Как зовут?

Расплатившись, Кан Янь вздохнул с облегчением. Временное облегчение от давления, напряжённый позвоночник наконец расслабился.

<http://bllate.org/book/15594/1390252>